

Благодаря так называемой «кассетной» музыкальной культуре многие в нашей стране знают песни Вилли Токарева. Звучат они и по радиоголосам. Это реальность, от которой не отмахнешься. Вопросы об исполнителе нередко задают пропагандистам на лекциях, встречаются они и в письмах читателей.

У нас он считается эмигрантом, на Западе же о нем говорят иногда как о «красном». Кто же он на самом деле? Ответить мы попросили его самого.

КОРР. Как вы оказались в Америке?

ТОКАРЕВ. Я уехал из СССР по израильской визе в 1974 году. Если бы тогда было такое же время, какое наступило в России сейчас, я бы не уехал. Но в ту пору у меня возникли проблемы чисто творческого характера. Я наталкивался на многие бюрократические препятствия, которые не давали сделать то, что я хотел.

В Америке же я намеревался продолжить свое музыкальное образование, поехать в специальное музыкальное училище в Калифорнии и получить там специализацию по аранжировке. Но когда обратился в фирму, которая обслуживает всех эмигрантов, там спросили: «А кто за вас будет платить? Вы знаете, сколько это стоит?» И назвали такую сумму, что я понял — это не для меня.

Разумеется, я ни на что не рассчитывал, но понял одно: чтобы достичь в Америке какой-либо высоты, которая обеспечит тебе нормальную жизнь, нужно быть или суперзвездой, или, во всяком случае, иметь очень хорошо оплачиваемую работу. После долгих поисков мне повезло найти такую работу в ресторане на Бродвее. Я встал на ноги, обрел некоторую финансовую независимость, получая 250 долл. в неделю.

Для меня это было просто чудо, так как до этого я исполнял совершенно не музыкальную работу.

КОРР. То есть?

ТОКАРЕВ. Я был разносчиком почты на Уолл-стрите, от-

куда меня уволили, сказав, что мой английский не позволяет работать в этой фирме. Потом я мыл полы в «бейкере» — пекарне. Был помощником медсестры в одном из госпиталей, таксистом. Так что исполнял любую работу.

К этому времени русская община в Нью-Йорке начала от-

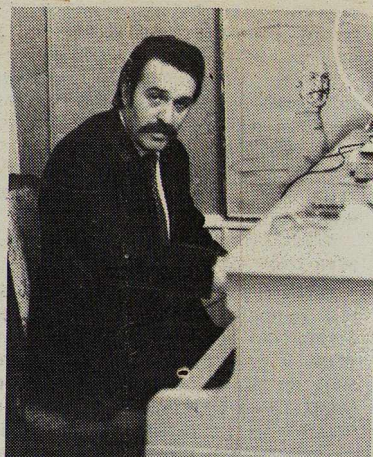
«От берега до берега добраться нелегко...»

крывать свои рестораны. Я был приглашен в один из них — «Одессу» на Брайтон-Бич. По масштабам Нью-Йорка он считается рестораном высокого класса.

Хочу сразу сказать, что благодарен судьбе за то, что она предоставила мне возможность получить великолепный образовательный фундамент в Советском Союзе, благодаря которому я выжил в Америке. Это и музыкальное училище при консерватории в Ленинграде, и работа с такими суперзвездами, как Б. Рычков, А. Кролл, Ж. Татлян, ныне покойный А. Броневицкий.

КОРР. Итак, вы пели в ресторане на Брайтон-Бич. Кроме этого, вы где-нибудь выступали?

ТОКАРЕВ. Конечно. Я был с концертами в Израиле, Франции,

главных и даже главных. Он женился, купил себе дом.

КОРР. Русские эмигранты тоже неоднородны...

ТОКАРЕВ. Да. Так называемая «первая волна» — это те, которые не стали американцами, но перестали быть русскими. Они как бы «за забором» от нас, и у нас с ними нет никаких отношений.

КОРР. А «вторая волна»?

ТОКАРЕВ. «Вторая волна» — те, кто оказался за океаном сразу после войны, — похожа на первых эмигрантов. Дети и «первой» и «второй» волны почти не говорят по-русски.

Представители «третьей волны», на мой взгляд, стремятся к тому, чтобы их дети говорили по-

русски и не забывали родной язык.

КОРР. Но вспомним еще раз о судьбе творческой интеллигенции, по разным причинам оказавшейся за океаном. Есть ли среди них настроения о возвращении на Родину?

ТОКАРЕВ. Я знаю, что в СССР уже вернулся замечательный скрипач Рафик Аюпян. В Америке он имел хорошую постоянную работу. Но его ничто не смогло остановить. Недавно ко мне зашли двое врачей. Их беспокоило то, что дети могли стать наркоманами, и они решили вернуться, несмотря на то что с работой у них в США было просто великолепно. Если человек не может адаптироваться в чужой стране, его не надо осуждать за то, что он хочет вернуться.

КОРР. Что бы вы могли сказать, например, о Савелии Крамарове? Как сложилась его судьба в США? Этим интересуются многие наши читатели.

ТОКАРЕВ. Он имеет работу в Голливуде, снимаясь в эпизодических ролях, а порой в полу-

КОРР. Вилли, я хочу поделиться своими ощущениями от вашей песни «Дождь, над Невой туман...». Несколько лет назад в одной из передач «Голоса Америки» ее передали в эфир, и от музыки повеяло такой тоской, что, как мне показалось, у вас получилось своеобразное предостережение потенциальным эмигрантам. Те же нотки проскальзывают и в некоторых других песнях.

ТОКАРЕВ. Мои песни не автобиографичны, хотя есть среди них и те, что имеют отношение ко мне. Но в основном их источник — это случайные беседы, брошенное слово, прочитанное в газете. Ко мне приходят люди и исповедуются о затаенном. Так что песни — это выражение чувств большинства из тех, кто там живет.

КОРР. У вас есть семья?

ТОКАРЕВ. У меня здесь, в Ленинграде, сын Антон. Он работает на «Скорой помощи» и продолжает учиться в медицинституте.

КОРР. Вы хотели бы, чтобы он уехал к вам?

ТОКАРЕВ. Нет. Я не хотел бы этого. Считаю, что у него и здесь прекрасное будущее, он должен получить медицинское образование и работать дома. Америка имеет ряд положительных сторон, но это еще не значит, что каждый может найти в ней счастье.

КОРР. Вот о чем бы я еще хотел спросить. В Штатах существуют небезызвестная организация НТС и ее печатный орган «Посев», а также различные сионистские организации. Поступали ли от них вам какие-то предложения, учитывая вашу популярность в среде эмигрантов?

ТОКАРЕВ. Может быть, вы не поверите, но за 14 лет жизни в Америке никто и никогда не спросил меня, кто я, откуда, почему здесь живу.

Правда, в то время, когда я написал песни «Таксист» и «Небоскребы», то слышал угрозы

от наших эмигрантов. Они говорили: «Ты что Америку ругаешь? Зачем тебе это нужно?». Но я не ругал, а писал о том, о чем писали американские газеты.

КОРР. Я не собираюсь эстетствовать, однако многие ваши песни имеют какой-то блаженный налет. Вам нужно делать деньги и потакать из-за этого разным вкусам или это дело принципа?

ТОКАРЕВ. Во-первых, это свобода. Я ни перед кем не отчитываюсь, и меня никто не контролирует. Второе. Сначала я выпустил пластинку «А жизнь, она всегда прекрасна». Это те лирические песни, которые я писал еще в СССР. Я истратил на пластинку 20 тыс. долл., но песни не пошли. Я прогорел.

Тогда я и решил писать иные песни. И поскольку жанр юмора мне очень близок, вспомнилось все, что было в жизни. Так родилась пластинка «В шумном балагане». Она принесла мне успех.

Этот стиль оказался финансово оправдываемым, но идти по такому пути опасно — можно заработать плохую репутацию. Я решил писать разные песни и приучать слушателей к тому, что нравится мне, начав вставлять в пластинки лирические песни.

КОРР. Сейчас в нашей стране заметно растет деловая активность как государственных предприятий, так и кооперативов, а в конечном счете и всех людей. Я позволю себе задать вам вопрос не как музыканту, а как бизнесмену. Считаете ли вы, что при определенных условиях можно было привлечь к делу оздоровления экономики в нашей стране капиталы наших соотечественников за рубежом?

ТОКАРЕВ. Это естественно. Но чтобы было все более гладко, надо создать нормальные демократические условия, чтобы поменьше было бюрократии, чтобы не отпугнуть человека. Я знаю многих людей, которые живут на Западе, уже имеют

контакты с СССР, торгуя и обмениваясь товарами. Завязываются чисто деловые отношения. Я отмечаю такой радостный факт, который приветствуют все живущие в Америке эмигранты. Они смогли увидеть тех родных, на которых уже, что называется, «поставили крест». То, о чем они и не могли мечтать пять лет назад, стало возможным.

КОРР. Могут ли состояться ваши гастроли в СССР?

ТОКАРЕВ. Для меня это был бы большой сюрприз, и я никогда не отказался бы от такого предложения. Еще в Нью-Йорке я дал обещание Детскому фонду и Фонду мира, что весь сбор от любого концерта, который пройдет в СССР, пойдет на их счета. И это не потому, что таким образом я хочу заручиться уважением к себе. Нет. Я знаю, что в этих фондах — гуманное начало. Каждый человек, внося в него посильную лепту, окажет помощь тем, кто в ней нуждается.

Если будет решен вопрос о моих концертах, то я приеду с теми песнями, которые уважают правила и порядки страны.

КОРР. Вы не думали о возвращении?

ТОКАРЕВ. Думал. Это было в первые дни моего пребывания в США. Я понял, что сделал ошибку, но в посольстве мне сказали, что я предал Родину, наплевал на Ленинград и должен уехать навсегда. Но то были другие времена, и люди, которые мне так говорили, не были в этом виноваты, так как исполняли волю вышестоящих.

А потом я преодолел трудности... и привык. Но это не значит, что я наплевал на ту страну, в которой родился. Я всегда с ней. Это моя Родина, которую я никогда не забуду. Это моя культура, мой язык, корнями я здесь. По самое горло. Увы, судьба распорядилась так, что живу я там...

Интервью взял А. УГЛАНОВ

Фото Н. Чаплыгина